

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«[Люби Россию в непогоду](#)» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

**Борис Васильев**

## **КУМИР.**

Нам свойственна не только мифологизация собственно истории, но и КУМИРИЗАЦИЯ ее героев. При этом зачастую кумирами становятся отнюдь не самые безукоризненные ее деятели – например, Петр Великий.

Великая победа порою представляется мне победой пирровой. Потеряв на фронтах практически весь цвет нации, мы не приняли мер для ее восстановления. Наоборот, мы приняли меры по ее дальнейшему уничтожению («Ленинградское дело», «Дело врачей» и т.п.). Армия окончательно утратила лучшие традиции русской армии, т.к. в ее ряды во время войны влилось огромное число офицеров с низким образованием и культурным цензом. Девичьи глаза отвернулись от нее, что знаменовало собой потерю ее престижа. Советский Союз, выиграв войну, практически уничтожил любимое детище России – ее армию. Уместно сказать, что посетившая нас мать Сергея Обревко – вдова полковника – оказалась несколько шаржированной иллюстрацией к вышесказанному.

То же случилось и с руководящим составом Компартии. Лозунги большевиков уже не работали, поскольку не соответствовали сложившейся политической обстановке, и на смену им начали приходиться лозунги националистические. СССР постепенно превращался в некое подобие русского фашизма.

До войны не существовало традиции преподносить учителям цветы даже 1-го сентября. Девочкам, да, случалось, но преподавателям – нет. Это появилось после войны и махровым цветом стало расцветать в наши дни. И дарят не только к 1-му сентября – дарят на дни рождения, причем, не только цветы. А это уже – свидетельство все того же послевоенного духовного оскудения нашей служилой интеллигенции. Если сюда же добавить обязательные подарки врачам – особенно, полежав в больнице – то это превращается еще в одну иллюстрацию того же явления. Советская интеллигенция в массе своей растеряла менталитет русской интеллигенции.

Появилась и укрепилась всеобщая необязательность: слово знакомого, чиновника, даже друга уже не является гарантией обещанного. Резко возросла

грубость не только в обиходе, но и в казенных учреждениях, больницах, школах, на транспорте – я уж и не упоминаю о торговле, где она процветала и до войны. Это – не мелочи повседневной жизни; это приметы изменения поведенческой клишированной психологии.

В результате то ли бешеной пропаганды во время холодной войны, то ли как следствие серьезной утраты культурного уровня мы переживаем острую эпидемию ксенофобии. Появились «лица кавказской национальности», как символ разбоя, обмана, не говоря уже о каком-либо сопротивлении. Наши провалы в экономике – результат заговора империалистических спецслужб, и даже трагедия нашей подводной лодки «Курск» рассматривается вполне официально как подводное столкновение то ли с английской, то ли с американской подлодкой. Ксенофобия – опаснейшая болезнь общества, тем более, что Россия никогда ею не страдала, обходясь бытовым антисемитизмом на самом примитивном уровне и, следовательно, не имеет к ней достаточного иммунитета.

В !-м классе провинциального Смоленска вместе со мной учились дети восемнадцати национальностей. Русские и литовцы, поляки и евреи, украинцы и венгры, немцы и латыши, татары и эстонцы, цыгане и финны, грузины, армяне, греки... Да всех разве упомнишь: список, который когда-то я сделал, затерялся, поэтому, простите, если кого позабыл. А вот то, что в двенадцать лет я был влюблен в девочку-ассирийку – помню: почти во всех довоенных городах чистильщиками сапог, продавцами шнурков и мастерами быстрого (он почему-то назывался «холодным») ремонта обуви везде были ассирийцы, это была экономическая ниша их существования. И длинного худого китайца на углу Большой Советской («под Часами») тоже помню: он торговал бумажными фонариками, гирляндами, шариками на резинке – это была его ниша, его заработок. И ломового извозчика еврея Кузьму помню: он был легендарно силен, и мы бегали смотреть, как легко он перебрасывает семипудовые мешки...

Куда они все подевались потом? Сменили национальность? Назвались другими именами?.. Или удобрили собою тощую землю Колымы?...

Летом тридцать пятого отец впервые за три, что ли, года получил отпуск и увез меня в Крым. Показать море, горы и – людей, живших там. С той поры утекло много воды, я видел моря и океаны, горы и пропасти, но таких людей, какие встречали меня с отцом в Крыму, я не встречал никогда. Я уже писал об том и в статьях, и в воспоминаниях, и в повести «Капля за каплей», и буду писать и помнить их, пока жив.

Мы доехали до Симферополя на поезде, а затем на машине отцовского знакомого по гражданской нас доставили до Байдарских ворот. Там я впервые увидел море, и оттуда начался мой сказочный путь по побережью до Алушты.

Вдоль побережья шла старая извилистая и узкая дорога – остатки ее видны возле Фороса. Мы с отцом старались идти по берегу, но когда это не удавалось, переходили на дорогу. А потом опять спускались к морю.

Но никогда мы не ночевали под открытым небом. Все побережье Крыма было плотно заселено. Не Домами отдыха, не санаториями, а татарскими аулами и греческими деревушками. И стоило нам вечером развести костер на берегу, как тотчас же появлялись либо татарские, либо греческие парнишки, а следом за ними степенно приближались старики. В татарских аулах меня поили виноградным соком, в греческих – молоком, и непривычно горьковатый вкус этого молока я помню до сей поры. Отца, естественно, угощали вином и просили рассказать о «текущем моменте». Он – рассказывал, а я убегал с ребятами к морю. Греческие ребята научили меня есть мидий, отковыривая их от камней и скал, а татарские ловили крабов и жарили их на углях. А потом нам отводилась гостевая сакля у татар – она была в каждом ауле – а в греческих деревнях – отдельная комната или веранда на наш выбор. И всегда фруктами. Виноградом, изюмом, крымскими яблоками и огромными сочными грушами. И никогда, ни разу не брали за этот ночлег с угощением никаких денег. Никогда.

Сейчас ничего этого нет. Татар еще можно встретить где-то в равнинном Крыму, но не на побережье, где – отдыхают. А греков нет вообще. Нет потомков тех самых черноморских греков, которые поселились на берегах Черного моря в незапамятные времена. Раньше Троянской войны.

И это – тоже вопрос культуры. Любая религия и любое искусство – лишь пристяжные коренника, а коренником всегда была и остается Культура. То есть, Мораль и Право. Внутренние и внешние, то есть, писанные и неписанные законы, защищающие человека от произвола.

Маленькая ложь может привести к преступлению. Но большие преступления приводят к великой лжи. А ложь, как говорил Горький, «Религия рабов и хозяев».

Что же случилось с Россией в XX веке?

РАСПАД. Утрата пассионарности, морали, нравственности, достоинства, веры и надежды. В ней господствует обыватель, умноженный на отсутствие страха божьего.